

ТАТЬЯНА ПАХАРЕВА (TATYANA PAKHAREVA)

 <https://orcid.org/0000-0003-0718-7034>

Украинский государственный университет
им. Михайла Драгоманова
Кафедра мировой литературы и теории литературы
01601 Киев, Украина
ул. Пирогова 9
paharevata@ukr.net

ДВУАЗЫЧИЕ ПОЭЗИИ ЛЕОНИДА КИСЕЛЕВА В ДИАЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

THE BILINGUAL POETRY OF LEONID KISELEV IN THE DIALOGICAL ASPECT

This article addresses the phenomenon of bilingualism in the poetry of Leonid Kiselev (1946–1968), which is analyzed as the basis for the internal dialogic nature of the Kyiv poet's lyrics. The immanent dialogism of Kiselev's poetic thinking is already manifested at the level of the lexical-syntactic organization of his poems (the abundance of interrogative constructions, addresses to a conventional interlocutor, etc.). But conceptually significant for Kiselev was the dialogue with poets of all times and countries, among whom the Kiev poet chose his like-minded people and teachers, such as Taras Shevchenko, Osip Mandelstam, and Pavlo Tychyna. The article analyzes various ways of conducting poetic dialogue between Kiselev and these and other poets, often realized in a bilingual mode. It has been revealed that the interaction of Ukrainian and Russian linguistic and literary contexts in his poems is carried out with the help of bilingual verbal constructions (for example, the symmetrical use of Russian and Ukrainian equivalent prepositions in the poem *The Tale of Igor's Campaign*); Ukrainian epigraphs to poems written in Russian; allusions (for example, a politically charged allusion to Nikolai Gumilyov's poem *Worker*, which is read in the process of back-translating a line of Kiselev's Ukrainian-language poem into Russian); and figurative dialogical exchanges between Kiselev's own poems written in Ukrainian and Russian.

Keywords: Leonid Kiselev, poetry, dialogue, bilingualism, allusion, intertext

Статья обращается к феномену билингвизма поэзии Леонида Киселева (1946–1968), который проанализирован как основа внутренней диалогичности лирики киевского поэта. Имманентный диалогизм поэтического мышления Киселева проявляется уже на уровне

Received: 30.10.2023. Verified: 27.11.2023. Accepted: 28.11.2023.
© by the author, licensee University of Lodz – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)

лексико-синтаксической организации его стихов (обилие в них вопросительных конструкций, обращений к условному собеседнику и т. п.). Но концептуально значимым для Киселева был диалог с поэтами всех времен и стран, среди которых киевский поэт выбирает своих единомышленников и учителей, таких как: Тарас Шевченко, Осип Мандельштам, Павло Тычина. В статье проанализированы разнообразные способы ведения поэтического диалога Киселева с этими и другими поэтами, часто реализующегося в двуязычном модуле. Выявлено, что взаимодействие украинского и русского языковых и литературных контекстов в его стихах осуществляется с помощью билингвальных словесных конструкций (например, симметричное употребление русских и украинских эквивалентных предлогов в стихотворении *Слово о полку Игореве*); украинских эпиграфов к написанным по-русски стихам; аллюзий (например, политически окрашенная аллюзия на стихотворение Николая Гумилева *Рабочий*, которая прочитывается в процессе обратного перевода строки украиноязычного стихотворения Киселева на русский язык); образных диалогических перекличек между написанными по-украински и по-русски стихами самого Киселева.

Ключевые слова: Леонид Киселев, поэзия, диалог, билингвизм, аллюзия, интертекст

Творчество Леонида Киселева¹, одного из ярчайших киевских поэтов-«шестидесятников», чья короткая жизнь была оборвана лейкемией, представляет собой по-своему уникальный случай поэтического билингвизма. Еще с отрочества начав писать стихи на русском языке, в последний год жизни он перешел в своей поэзии на украинский, так что все пишущие о нем² просто обречены снова и снова пытаться найти

¹ Леонид Киселев (1946–1968) родился в семье известного киевского писателя В. Киселева, и кругом его общения с отрочества стал круг украинских интеллектуалов–«шестидесятников», в который входили И. Дзюба, И. Драч, Д. Затонский, М. Петровский, Ю. Щербак и др. В эпоху «оттепели» в киевском пространстве ощущение освобождения от гнета сталинской диктатуры и известные оптимистические ожидания были с самого начала омрачены не прекращавшейся борьбой властей с украинским «буржуазным национализмом», так что разделение литературы на «разрешенную» и «написанную без разрешения» (по определению любимого поэта Киселева О. Мандельштама) сохраняло свою остроту в украинском культурном пространстве даже в самые «безоблачные» оттепельные годы, лишая «шестидесятников» того круга, куда входил также и Киселев, каких-либо политических иллюзий. Этими обстоятельствами культурной жизни Киева 1960-х годов во многом объясняются такие черты поэтического мира Киселева, как постоянное обращение к образу Тараса Шевченко как символу украинского «самостоянья» и сопротивления гнету и царской, и советской власти; подчеркивание преемственности своей поэзии по отношению к творчеству репрессированного Мандельштама и манифестарные аллюзивные отсылки в своих стихах к текстам русской поэзии, «написанным без разрешения»; выстраивание своего лирического образа в поэзии в логике солидаризации с жертвами, и в этом контексте жертвенная судьба Украины и жертвенные судьбы уничтоженных террором русских поэтов стоят в поэзии Киселева в одном ряду. Сказанное призвано пояснить изложенную далее в статье мысль о диалогичности поэзии Киселева и, в частности, о русско-украинском культурно-языковом диалоге в его стихах.

² См., в частности: И. Дзюба, *Леонід Кисельов з другої половини двадцятого віку*, [в:] Л. Кисельов, *Тільки двічі живемо... Вірші, проза, спогади про поета*, упоряд. С. Кисельов, Київ: Дніпро 1991, с. 27–28; Д. Затонский, *Леня Киселев*, [в:] Л. Кисельов, *Тільки двічі живемо...*, с. 375–376; М. Петровский, *Леонид Киселев – легенда и быль*, [в:] он же, *Городу и миру:*

объяснения и интерпретации такой – не перемене, а скорее переакцентировке национально-языковой идентичности поэта в его предсмертный период. Трудно в связи с этим не вспомнить об исчерпывающе описанной Б. Пастернаком в *Охранной грамоте*:

[...] из века в век повторяющейся странности, которую можно назвать последним годом поэта. [...] ...когда вдруг в одно перерожденное, расширившееся сердце сливаются отклики, давно уже шедшие из других сердец в ответ на удары главного, которое еще живо, и бьется, и думает, и хочет жить. Что множившиеся все время перебои наконец так учащаются, что вдруг выравниваются и, совпав с содроганьями главного, пускаются жить одною, отныне равноударной с ним жизнью. [...] И вместе с сердцем смещаются воспоминанья и произведенья, произведенья и надежды, мир созданного и мир еще подлежащего созданию³.

Пастернаковское «расширившееся сердце» поэта, словно вышедшее за собственные границы, коррелируя с уже накопленными ранее поэзией метафорами поэта-колокола, поэта-эха, обращает не только к загадке поэтического творчества на пороге смерти, но и к контексту диалогичности поэтического слова как такового, всегда резонирующего и с общенародной памятью (Вяч. Иванов говорил о поэте как «органе народного воспоминания»), и с голосами других поэтов в пространстве «мирового поэтического текста».

Но, кроме имманентной «всемирной отзывчивости» поэзии, в случае Киселева нужно говорить и о присущей именно ему постоянной диалогической интенции поэтического слова, когда практически каждое стихотворение – это реплика в диалоге, дружеская или полемическая, лирическая или уничтожающе-разоблачительная: «Вы не пытались проследить, / Куда бежит ручей?» – начинает диалог с читателем 13-летний поэт и дальше продолжает его не только с читателем, но и с чужими окнами, у которых нужно спросить позволения, чтобы написать о них, с прохожими, с любимой женщиной, с бессонницей, с соседом по больничной палате, с чертом. Даже лексико-синтаксическая организация поэтической речи Киселева подчеркнута диалогична благодаря обилию обращений и вопросительных реплик, а отдельной приметой «киселевской» интонации становится начало предложения или всего стихотворения со слова «говорят», так что дальнейший текст выглядит ответом (нередко полемическим) некоему общепринятому

Киевские очерки, изд. 2-е, перераб. и доп., Киев: Издательский дом А+С; Издательство Дух і Літера 2008, с. 392–395.

³ Б. Пастернак, *Охранная грамота*, [в:] он же, *Собрание сочинений*, Москва: Художественная литература 1991, т. 4, с. 231–232.

или представленному как таковое суждению: «Говорят, будто ночь за ночью / Он царапается в мавзолей»⁴, «Говорят, границу Сан-Марино / Обвели известкой» (с. 102), «Говорят, все песни спеты» (с. 104).

Но главными собеседниками в поэзии Киселева предстают поэты и их стихи, так что и самопознание, и осмысление мира, и утверждение своих «символов веры» и нравственных императивов очень часто в стихах Киселева облекается в открыто цитатный или имплицитный диалог с Мандельштамом и Шевченко, Анненским и Гумилевым, Тычиной и Маяковским. В стихотворении «Не верю в братство физиков, хотя...» (также насквозь диалогичном, поскольку оно представляет собой и реплику поэта в модном в 1960-х гг. споре «физиков и лириков», и полемическое высказывание по отношению к пьесе Ф. Дюрренматта *Физики*, которая с начала 1960-х гг. уже ставилась в театрах в СССР, и к вышедшему в 1962 г. фильму М. Ромма *Девять дней одного года*, в котором как раз в высоком романтически-трагедийном ключе изображено «братство физиков»), Киселев прямо декларирует свою нацеленность на диалог со всей мировой поэзией как не столько эстетический, сколько моральный выбор:

Нам не помогут физики.
 Но верю
 В другое братство. Часто и охотно
 Я перелистываю фолианты
 И тоненькие томики стихов.
 И радостно мне слушать переключку
 Поэтов всех народов, всех времен (с. 199).

Это поддержание звучания хора мировой поэзии тем важнее, что в современном мире «голоса поэтов затихают», заглушенные «радио», так что обретаемые через строки стихов «идеи / Добра и правды, света и любви» могут вскоре остаться в забвении. И поэзия Киселева неустанно говорит с поэтами всех времен и стран, вливаясь в звучание этого лирического «хора» в эпоху «физиков», но особенно громко его голос резонирует с головами украинских и русских поэтов.

Нам уже доводилось писать об интертекстуальности поэзии Киселева, в том числе и о русско-украинском межъязыковом взаимодействии в его

⁴ Л. Кисельов, *Тільки двічі живемо... Вірші, проза, спогади про поета*, упоряд. С. В. Кисельов, Київ: Дніпро 1991, с. 86. Стихи Л. Киселева цитируются далее в статье по этому изданию с указанием страниц в тексте в круглых скобках.

стихах⁵, поэтому до известной степени данная статья выступает продолжением уже начатого, однако хотелось бы не только добавить к ранее имевшимся наблюдениям на эту тему новые, но, прежде всего, точнее раскрыть специфику диалогичности самого поэтического мышления Киселева.

Нет сомнений, что эта диалогичность в огромной степени сформировалась ситуацией естественного билингвизма, характерной для Киева и его интеллигентской среды: как пишет М. Петровский, «в условиях киевского билингвизма культурное существование вообще возможно лишь в том случае, если оно протекает в лоне обоих языков одновременно»⁶. Одновременность и изначальность присутствия в поэтическом сознании Киселева обоих языков, казалось бы, опровергается резкостью перехода его поэзии с русского на украинский в последний год жизни, однако анализ его русскоязычной лирики выявляет многочисленные знаки присутствия украинского культурно-языкового слоя в ткани написанных на русском стихов – и наоборот, в его украиноязычной лирике обнаруживается аллюзивный план русской поэзии, сигнализирующий о том, что она не была вычеркнута из мира поэта, и его переход на украинский – это не отказ от одного культурно-языкового контекста в пользу другого, а достраивание органично двуязычного художественного мира до состояния гармоничного равновесия обеих его частей и, тем самым, его завершенности, полноты, потребность осуществления которой в случае Киселева была обострена ожиданием скорой кончины.

Рассмотрим наиболее показательные проявления русско-украинского языкового диалога в стихах поэта, подтверждающие сформулированное выше видение его поэтического билингвизма.

Впервые эхо двуязычия слышно в переложении начала *Слова о полку Игореве*, написанном Киселевым в 1959 г., где поэт в рамках одного предложения играет русскими и украинскими эквивалентными предлогами **про/о** и **за/по**: «Мы споем про князев клич орлиный / И о пленных половецких девах. / И не за Бояном – по былинам / Начинаться нашему напеву» (с. 35). Вряд ли тринадцатилетний автор этих строк вкладывал в симметрию двуязычных оборотов, идеально выдержанную здесь, некую концептуальную идею о *Слове...* как истоке обеих литератур – и русской, и украинской, либо о языке, на котором создано *Слово...*, как таком, на основе которого впоследствии развились и украинский, и русский. Однако в этом двуязычном построении уже сказалась глубокая культурно-языковая интуиция Киселева, его чуткость к уловлению межкультурных «рифм» и та органичная,

⁵ Т. Пахарева, *Леонид Киселев на перекличке поэтов*, [в:] *Благородний вимір наукового подвижництва: збірник наукових праць*, НАН України, Ін-т л-ри ім. Т. Г. Шевченка. Київ: Наукова думка 2012, с. 166–176.

⁶ М. Петровский, *Леонид Киселев...*, с. 392.

основанная на киевском билингвизме диалогичность его поэзии, которая нас интересует.

Далее обратим внимание на украинские эпитафии к его стихам, написанным на русском языке – в частности, это эпитафии из П. Тычины к стихотворениям «Луна позолотила иней...» и «Проклятый век. Поэты в нем ютятся...» Здесь диалог языков реализуется буквально через композиционную структуру «эпитафия – текст стихотворения», в которой диалогическое единство и в то же время автономность русского и украинского языковых миров реализуются через специфическую нераздельность-неслиянность эпитафии и основного текста.

Но в языковой ткани стихотворения «Проклятый век. Поэты в нем ютятся...» благодаря эпитафии присутствует не только украинский, но и грузинский язык, и украинско-грузинское двуязычие стихотворения Тычины, вторая строфа которого послужила эпитафией Киселеву, в целом размыкает языковые границы его текста, реализуя на лингвистическом уровне дорогую для Киселева мысль о всемирном братстве поэтов всех времен и стран, единых перед лицом «проклятого века» (всегда проклятого, будь то XVIII или XX век), который поэта «за шиворот хватает / И тащит не на форум – на допрос, / На плаху, на костер, на гильотину» (с. 194).

Более показательным с точки зрения именно украинско-русского межъязыкового диалога выглядит пример стихотворения «Луна позолотила иней...», которое представляет собой лирическую рефлексию на стихотворение Тычины «О панно Инно...» Лирический герой Киселева словно отождествляется с героем стихотворения Тычины, и такая субъектная двойственность подчеркивается чуть ли не демонстративной двойственностью пространства в произведении Киселева, в первой строфе которого угадывается одинокая комната с окном, залепленным инеем, где лирический герой в тишине слышит «красивое девичье имя», а во второй строфе это имя уже долетает до его слуха «сквозь стук ирпенской электрички» и «сквозь смех товарищей» (с. 158). Внутреннее единство с героем стихотворения Тычины подчеркивается и символическим «присвоением» строк украинского поэта с помощью их перевода в конце стихотворения Киселева – приведенные в эпитафии по-украински, в конце эти строки даны в киселевском переводе на русский: «О Инна, дорогая Инна, / Я здесь один. Снега» (с. 158). Впрочем, Киселев в своем стихотворении не только переводит, но и контаминирует разные варианты зачина стихотворения Тычины, которое можно встретить и в варианте первой строки «О панно Инно, панно Инно» (и этот вариант выбран Киселевым в эпитафии), и в варианте «О любя Инно, ніжна Инно!»⁷ (и к нему отсылает перевод в финальных строках стихотворения Киселева). Представляется, что такая игра

⁷ П. Тычина, *Поетії*, Київ: Радянський письменник 1977, с. 37.

вариантами стихотворения Тычины, заставляющая его текст «двоиться», тоже поддерживает эффект своеобразной «нераздельности-неслиянности» и двуипостасного лирического субъекта, и лирического пространства, и самого текста в его как художественной, так и языковой (оригинальной украинской и переводной русской) двойственности.

Особенной тонкостью и мастерством в создании украинско-русского диалогического контекста отличаются некоторые стихи Киселева, написанные на украинском языке, где аллюзия, открывающаяся через перевод с одного языка на другой, создает целые смысловые пласты. Например, такая аллюзия может выступать в качестве средства формирования эзопова языка. Именно таким образом переведенная на украинский язык цитата из стихотворения Н. Гумилева *Рабочий* функционирует в стихотворении «В зорянім серпневім павутинні...» («В августовской звездной паутине...»), комментируя которое, позволим себе обширную автоцитату:

На первый взгляд, оно представляет собой нетипичный для Киселева случай более чем лояльного воспевания знаменитой ленинской простоты (текст... заканчивается словами: «Бо у справжній лєнінський поставі / Рис монументальності нема»). Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что в «серпневім павутинні» смыслового пространства этого стихотворения за «разрешенной» фигурой вождя революции сквозит «написанная без разрешения» тень его жертвы. Описание Ленина в стихотворении Киселева выглядит так: «І до нас простує на екрані / Невисокий літній чоловік». Переведем эти строки на русский, и во второй из них получим дословную цитату из *Рабочего*: «...Невысокий старьй человек». Дополнительной маскировкой цитаты становится здесь «ложнопереводческий» ход – «чоловік» переводится с украинского как «мужчина», но для читателя, знакомого с текстом Гумилева, киселевская строка прочитывается в нужном ключе. В итоге «чужие» получают невинную фразу о «невысоком пожилом мужчине», а «свои» – дерзкую отсылку к запрещенному поэту, которая ретроспективно, возвращая от финала текста вспять, полностью «перекодирует» смысловой план стихотворения. Представляется, что дополнительной подсказкой, позволяющей опознать спрятанную в перевод цитату, служит сохранение в стихотворении Киселева размера *Рабочего*. Возможно, подсказкой к поиску гумилевского следа в стихотворении «В зорянім серпневім павутинні...» является и ничем особенно не мотивированное указание на август в первой строке. Если вспомнить, что именно в августе Гумилев был расстрелян, то эта деталь явственно начинает восприниматься как ключ к гумилевскому реминисцентному плану, так что в итоге композиция стихотворения выстраивается как движение подтекста от подсказки в первом стихе к почти открытой цитате [в последнем стихе второй строфы]⁸

В итоге, если продолжить цитату, Ленин в стихотворении Киселева, стоя за фигурой гумилевского рабочего, предстает, фактически, обвиняемым

⁸ Т. Пахарева, *Леонід Киселев на перекличке поетов...*, с. 173–174.

в гибели поэта: «Это сделал... / Невысокий старый человек». О том же, что *Рабочий* находился в кругу актуального чтения Киселева, свидетельствует прямая отсылка к этому стихотворению в другом его тексте – в той части насквозь цитатной «злой поэмы» *Осип Мандельштам*, которая озаглавлена *Русская поэзия*: «Дайте пулю Гумилеву, / Сам предвидел, сам просил» (с. 229).

Представляется, что тонкую комплексную аллюзию как на русскую, так и на мировую поэтическую традицию содержит и написанное уже в преддверие смерти четверостишие *Осінь*:

Така золота, що нема зупину,
Така буйна – нема вороття.
В останніх коників, що завтра загинуть,
Вчуся ставленню до життя (с. 277).

Конечно, освещенное траурным светом реального, а не условно-лирического прощания с жизнью, это стихотворение как будто сопротивляется «вчитыванию» в него интертекстуальных изысков, однако, помня о всегдашней страстной обращенности Киселева к диалогу с поэтами «всех народов, всех времен», не можем не заметить того длинного ряда поэтических кузнециков, который открывается за его «останніми кониками». Здесь и «богам подобный» кузничек-поэт Анакреонта, чья жизнь продлилась в бесчисленных переводах и переложениях поэтов позднейших эпох, и счастливый своей свободой кузничек Ломоносова, и кузнички Хлебникова, Заболоцкого, Олейникова, которые тоже, как у Киселева, предстают – каждый в своем роде – образчиками отношения к жизни, которому можно поучиться. «Последние кузнички, что завтра погибнут», но сейчас имеют мужество жить как ни в чем ни бывало, не только становятся в четверостишии Киселева воплощениями кратковременности жизни и стоического отношения к своей обреченности на раннюю гибель, но и, благодаря аллюзии на символику образа кузничка в мировой поэзии, актуализируют мысль об обреченности именно поэта, у которого в этом мире, по всегдашнему убеждению Киселева, в любые времена и в любых обстоятельствах очень мало шансов прожить «долгую счастливую жизнь». Таким образом, «анакреонтическую мифологию поэта-цикады – любимца Муз, избранника судьбы, посредника меж миром горним и дольным»⁹ – Киселев дополняет смыслом обреченности

⁹ Н. Ильинская, *Анакреонтический мотив цикады / кузничка в поэзии Булата Окуджавы*, [в:] *Русская литература. Исследования*. Сборник научных трудов, редкол. А. Мерезинская и др., Киев: Логос 2012, с. 4–12.

на раннюю смерть – в том числе, и обреченности поэта, так что кузнечик предстает не только любимцем богов, но и «жертвой утренней», как бы скептически ни относиться к этой мифологеме в применении к Киселеву¹⁰.

Надо сказать, что кузнечики встречаются и в русскоязычной лирике Киселева. В стихотворении «Из сада в дом попадают кузнечики...» 1963 г. кузнечики оказываются в «зеркальной» шутливо-драматичной ситуации по сравнению с обреченными на гибель кузнечиками позднего четверостишия: здесь, спасенные девочкой, собравшей их и вынесшей обратно в сад, «взволнованно и бессвязно / Другим и родственникам кузнечики / О длинноногой богине рассказывают» (с. 112). Таким образом, благодаря переключке между образами кузнечиков в русскоязычном и в украинскоязычном текстах поэта создается еще одна межъязыковая диалогическая отсылка – на сей раз уже внутри авторского контекста поэзии Киселева.

И эта автоотсылка не одинока. Например, выразительно переключаются друг с другом через метафору езды/бега по месяцам календаря написанные по-русски и по-украински стихотворения, между которыми пролегает дистанция в пять лет. В написанном в 1963 г. «Август – как пирог на скатерти...» движение во времени осмысливается мажорно, в смысловой парадигме будущего, которую формирует, прежде всего, образ маленького мальчика, предлагающего матери: «Давай на августе поедем». Это будущее исполнено надежд, его ожидание радостно («день по-августовски радостный»), так что стремительное движение во времени ассоциируется со свободой и легкостью: «...поехали на августе / В сентябрь, в октябрь – куда захочешь» (с. 99). И совсем иным, трагедийным ожиданием наполнено стихотворение 1968 г. «Ти полинеш сиза, наче птах...», где тот же метафорический бег по месяцам – это уже грозная «fuga temporum», разлучающая с жизнью:

Ти полинеш сиза, наче птах,
Твій полинний присмак вабить серце.
Ти по липню вибіжеш у серпень,
мов по линві, бгаючи мій страх.

Питиму розлуку, як вино,
І колись, блідим зимовим ранком,
Чорний птах, сумний, немов прочанка,
Тихо сяде на моє вікно (с. 264).

¹⁰ Такой скепсис, в частности, совершенно справедливо высказывает М. Петровский. См.: М. Петровский, *Леонид Киселев...*, с. 378–379.

Подытоживая, отметим, что проанализированные примеры взаимодействия украинского и русского языковых и поэтических контекстов в лирике Киселева, как представляется, дают возможность говорить о внутренней диалогичной субъектной организации его поэзии, основанной не только на той лирической субъектной разомкнутости, которую описывает классическая формула «все во мне – я во всем», но и на имманентном билингвизме киевского поэта «из второй половины двадцатого века» (с. 150).

References

- Dziuba, Ivan. *Leonid Kyselov z druhoi polovyny dvadtsiatoho viku*. In: L. Kyselov. *Tilky dvichi zhyvemo... Virshi, proza, spohady pro poeta*, ed. S. Kyselov. Kyiv: Dnipro, 1991: 9–28.
- Ilinskaya, Nina. *Anakreonticheskii motiv tsikady / kuznechika v poezii Bulata Okudzhavy*. In: *Russkaya literatura. Issledovaniya: Sbornik nauchnykh trudov*, ed. A. Yu. Merezhinskaya et al. Kiev: Logos, 2012. Vol. 16: 4–12.
- Kyselov, Leonid. *Tilky dvichi zhyvemo... Virshi, proza, spohady pro poeta*, ed. S. Kyselov. Kyiv: Dnipro, 1991.
- Pakhareva, Tatyana. *Leonid Kiselev na pereklichke poetov*. In: *Blahorodnyi vymir naukovoho podvyzhnytstva: zbirnyk naukovykh prats / NAN Ukrainy, In-t I-ry im. T. H. Shevchenka*. Kyiv: Naukova dumka, 2012: 166–176.
- Pasternak, Boris. *Okhrannaya gramota*. In: *Sobranie sochinenii*. Vol. 4. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1991.
- Petrovskiy, Miron. *Leonid Kiselev – legenda i byl*. In: *Gorodu i miru: Kievskie ocherki*, izd. 2-e, pererab. i dop. Kiev: Izdatelskii dom A+C; Izdatelstvo Dukh i Litera, 2008: 377–395.
- Tychyna, Pavlo. *Poezii*. Kyiv: Radianskyi pysmennyk, 1977.
- Zatonskyi, Dmytryi. *Lenia Kyselov*. In: L. Kyselov. *Tilky dvichi zhyvemo... Virshi, proza, spohady pro poeta*, ed. S. Kyselov. Kyiv: Dnipro, 1991: 371–377.